

Наталья СЕВЕРИН

То ли в Бронксе, то ли в Брянске...

ДАНТЕ

Данте не смог долго жить в Бронксе (НЙ) и переехал в Брянск. Тут ему дали общежитие, поношенное пальто и кепку.

Алигьери не вышел в первый же день на работу экстерминатором и на второй был уволен. В общежитие он пришел пьяным после 11 часов ночи, и его не впустили. Он просидел всю ночь за мусорным баком, а утром начал приставать к вахтеру с вопросом, как называлось его произведение, где спускались в Ад: это было в кроссворде. Никто не знал. Данте не сумел решить кроссворд. Во время завтрака в кафе он вдруг запел на немецком, и ветеран войны с орденами удалил его наотмашь.

— Ну, это уж слишком! — взвился Данте и исчез.

Его видели в Бобруйске. Он сидел в садике у вокзала, весьма немой, нечесанный, и читал клок газеты "Бобруйский мир". Данте бормотал что-то, обращаясь к некому Кавальканти, но Кавальканти отсутствовал в этом месте. Рядом была только маленькая грязная собачка, которая смотрела ему в глаза.

ЛЕТАЮЩИЙ МАТАДОР

Во время боя с быком можно успеть очень многое. Вот он мчит на твой красный плащ, из глаз его — искры, из-под копыт его — искры, пена падает на песок (этот Бык умеет изображать!), а ты взмахнул плащом и — вжик! — уже сидишь в кафе и пьешь кофе

с Брет, а можно и не с ней, потому что она все время нудит по-американски: "Милый, то, милый, се", — и это надоедает. Выпил чашку, закурил, глядишь — Бык на арене в растерянности: убивать некого — вжик! — ты тут как тут, перед ним. Смотришь в глаза своей смерти с улыбкой: соскучился по мне? Не буду в тебя выткать бандерильи и прочий хлам, симпатичный ты, обойдемся этой красной тряпкой, вышитой золотом, невеста потрудилась, ведь мне надо еще жениться во время боя, на Лауре, она беременна. У Быка мелькнуло сострадание в глазах, но он пошел на меня с решительным видом, играет по правилам.

Трибуны бесновались, как всегда. Они беснуются по любому поводу. Пришли сюда побесноваться. Дома скучно, еду не солят и не перчат по современным диетам. Жены надоели, любовниц заводят дорого, жизнь беспробудна, вот и идут бесноваться к нам. Мы с Быком это понимаем. Кстати, зачем мне детей заводит? Не хочу детей. Вжик! — и я уже в церкви, женился на Брет, чтоб не жениться на Лауре. Снова с Быком. Он мне жалуется: "Ты побыстрее делай свои дела, я тут один отдуваюсь, тяну время, скажу вхолостую, глупо выгляжу". "Я сейчас, — утешаю его, — мне нужно только шагу наточить, чтоб тебя убить красиво, эта не проткнет твою холку". Бык бормочет: "Торопись". Вжик! — и я в Аргентине на свадьбе кузины, нельзя было не поехать, наврал Быку, ничего, уже вернулся, то-чиза оружие — и снова на арене. Никто ничего не заметил. Бык старается вести себя бодро. И пока мы выписываем предсмертные пируэты, интересуется моей свадьбой, сколько лю-

дей было и все такое. Да какая свадьба? У меня завтра бой. Буду ночевать один в гостинице. Я понимаю, он просит о пощаде. Трудно мне убивать этого Быка. Он смотрит прямо в глаза, когда мы приближаемся друг к другу, что-то человеческое есть во взгляде. Но мы знаем правила игры.

Наступает последний момент — у корриды время точно рассчитано. Я взмахнул шпагой, металл зловеще сверкнул. Бык, как друг, послушно опустил голову, чтоб мне было удобнее его убивать, и — вжик! — мы с Быком сидим в любимом кафе на площади и пьем красное вино за дружбу профессионалов, вот и Брет подоспела, она своего бокала не упустит. Сейчас я их познакомлю.

ПРЕДУЧУВСТВИЕ

Все снова рушится, почва уходит из-под ног, хватаешься за клавиатуру, она со смехом ускользает, хватаешься за воспоминания, они раздраженно пожимают плечами. У моего окна появилась багряная планета. Это Плутон, Властелин загробного царства, покровитель медных и золотых копей, драгоценных камней, враг Орфея. Он появляется везде, где грядут долгожданное разоблачение, торжество правды, чье-то падение, смерть в бесславии, отвергнутая любовь и кровавая месть. Это разрушитель.

Правда, птица Феникс тоже принадлежит ему. Но она — для избранных. Теперь он стоит у моего окна, смотрит на меня, и я не смею отвести глаза — как можно отвести их от властелина?

В то же время я стою на берегу океана, он сегодня тоже страшен, не волнами своими, а напряжением. Посиневшие темные воды бьют дрожь. Временами он с рыком бросается на сушу, вгрызается белыми клыками в землю, урчит, как стая синих волков, и отползает, отхватив свой кусок.

Моя умершая мать в стареньком купальнике стоит на берегу и готовится зайти в воду. Она обращается ко мне: "Не ходи сюда. Вода кипит. Ты не выплывешь". И смело бросается в волны.

РОТ

Он будет там, где мы скажем, а не там, где нарисовано в учебнике по анатомии, у тех, кто его выпустил, рта уже нет, но у вас еще есть шанс сохранить, так что следите за прессой и телевидением, там есть намеки и прямые указания, где в данный момент развития человечества на вашей части глобуса рот должен находиться, чтоб соответствовать широте мысли, долготе жизни и времени года; не кривите его самовольно, не переставляйте без разрешения, никаких подтяжек, зашивания ниткой в знак протеста, прибавлений к Красной площади, за этим ведется спутниковое наблюдение, косметическая нитка выдается теперь по удостоверению, зубы же не выдаются никогда, экономьте данные природой; тем, кто использует рот для размножения, будут выданы сертификаты и хлебная карточка, без сомнения увеличивайте губы, это вклад в процветание общества, но не кусывайте их, у нас есть плоскогубцы, которые изящно вернут им форму, улыбайтесь!

Анатолий КОНТУШ

Выдержка под диафрагмой

Увеличиваем, уменьшаем, уточняем, проявляем, закрепляем и оставляем так на всю жизнь.

Мы сидим в темноте. Красная лампа едва заметно освещает накрытый старыми газетами стол с расставленными по нему принадлежностями. Слева — причудливая конструкция фотоувеличителя "Ленинград", прямо — ванночка с проявителем, за ней — ванночка для полоскания, справа — ванночка с закрепителем, рядом — еще одна ванночка для полоскания. Вокруг разложены пинцеты, ножницы, маски, пачки фотобумаги.

Мы просматриваем пленки на красном свете, вкладываем в держатель, протягиваем туда и обратно, выбираем кадр, наводим на резкость, выключаем лампу, достаем фотобумагу, вкладываем в рамку, уточняем диафрагму, включая лампу, отсчитываем выдержку, снова выключаем, опускаем бумагу в проявитель и осторожно качиваем, ожидая, пока не появится изображение.

Мы едем на пляж. Теплый весенний день, вся жизнь еще впереди, и мы быстро забегая домой оставить портфели, перекусываем в "Пирожковой" на Мартьяновского и идем на второй троллейбус по Карла Либкнехта и Советской Армии. Солнце на голубом небе, футбольный мяч в авоське, пьянящая легкость юности, очевидная бесконечность счастья, и мы задираем друг друга, дурачимся и хохочем. Мы шагаем в одном направлении, весело глядя вперед, и предчувствие того, что так будет всегда, уже написано на наших лицах.

Это хорошо получилось. Закрепляем. Мы на вершине безымянной горы в Карпатах. Девятый класс, зимние каникулы, скорый поезд, двухэтажное общежитие, заснеженная дорога, горная река, лесные прогулки, лыжные катания, первые романы, нежные чувства, юношеские страдания, мальчишеская дружба, необходимость друг друга и друг для друга, твоя рука в моей руке, и мое плечо рядом с твоим плечом. Неизвестно откуда взявшаяся уверенность в том, что это важнее всего, которой хватит на всю жизнь с таким запасом, что еще останется нашим детям.

Это тоже получилось. Закрепляем.

Я с гитарой. Вскинутая голова, длинные

волосы, узкая рубашка, темные джинсы, дымящаяся сигарета, уличный аккорд, мечтательный взгляд, четкий профиль, за которыми угадываются театральные сцены, кругосветные путешествия, элегантные костюмы, красивые женщины, твердость линии и легкость пера.

Стук в дверь. Это маме нужно взять нож из буфета. Мы быстро прячем фотобумагу под увеличитель, накрываем газетками ванночки и приоткрываем дверь в коридор. Мама проскальзывает в комнату, недолго гремит посудой и выбегает обратно. Мы продолжаем.

Наши девочки в коротеньких юбках на школьном дворе. До выпускного вечера месяца, лето уже началось, сразу за экзаменами манит, сверкает, подмигивает настоящая взрослая жизнь, в которой все будет настоящим — любовь, радость, счастье. Модные юбочки едва прикрывают стройные ножки, бояться нечего, все будет хорошо, и девочки бесстрашно смотрят в объектив старой "Смены" смеющимися глазами; настоящие беды, несчастья и разлуки, ждущие их впереди, прячутся на самом дне этих глаз.

Похоже, что тут подвела выдержка. Игорь с бутылкой вина. Мы уже студенты, школа позади, и мы чувствуем себя совсем взрослыми. Игорь с улыбкой смотрит на темно-зеленый сосуд, которому осталось жить каких-то десять минут, и мы еще не знаем, что в нем кроме невероятных откровений, прозрений и взлетов скрываются еще и несчастные случаи, страшные болезни и скоростные смерти, избежать встречи с которыми нам не удастся.

Здесь было что-то не так с диафрагмой. Стук в дверь. Это папа хочет узнать, как наши дела. Мы снова прячем бумагу, накрываем ванночки и открываем дверь. Папа осторожно входит, садится рядом, просматривает фотографии, собравшиеся в ванночке для последнего полоскания, дает нам несколько советов и выходит.

Мы продолжаем. Весна на Соборной площади. Время высших и средних специальных образовательных подходов к концу, взрослая жизнь начинается в самом деле, и мы с улыбкой всматриваемся в нее, хотя уже не так лег-

комысленно, как раньше; легкие тени страха перед будущим, сомнения в своих силах и неуверенности в себе дрожат на наших лицах вперемежку с невесомыми тенями акаций, каштанов и кленов.

Это вышло так себе. Откладываем. Лето в Крыму. Август, жара, последние каникулы заканчиваются, и мы складываем рюкзаки, сворачиваем палатку и садимся отдохнуть перед спуском в долину. Мы сосредоточены, наши лица напряжены, в чертах заметна усталость. Солнце слепит глаза, нерезкий пейзаж дрожит в горячей дымке, и невозможно разглядеть его детали через несколько лет превратится в неспособность понять, что происходит с нами и вокруг нас.

Это не получилось. Выбрасываем. Тогда мы еще не знали, что для того, чтобы все получилось, как надо, нужна была настоящая выдержка. Не та, которую мы отсчитывали вслух, сидя в темноте, а совсем другая. Только много лет спустя мы поняли, что ее, как и все остальное, что делается по-настоящему, нужно вначале ощутить где-то под диафрагмой, очень глубоко, чтобы на мгновение перехватило дыхание. Уже тогда каждый из нас чувствовал, что сделать что-то всерьез без этой выдержки нам вряд ли удастся, но узнали мы это намного позже, и поэтому выдержки хватило не всем.

Мы вкладываем остатки фотобумаги в черные конверты, включая свет, вытаскиваем гляцеватель и высушиваем все фотографии одну за другой, ожидая, пока они со щелчком не отскочат от зеркальной поверхности под туго натянутой тканью.

Начало восьмидесятых. Мы еще не знаем, что изобретательные инженеры крупных фотографических компаний уже отшлифовывают последние детали в конструкциях линий автоматической проявки, которые вскоре отправят наши увеличители, гляцеватели и ванночки в те ряды Старокопного, которые не интересуются домашними животными. Мы еще не знаем, что, несмотря на это, стремление ощутить выдержку глубоко под диафрагмой останется у нас навсегда, распространившись далеко за пределы наших квартир.

Мы складываем фотографии в пачку, спускаемся и идем к Игорю показать, что

у нас получилось. На Петра Великого темнота, с моря поднимается туман, и мокрые листья скользят под ногами на черных тротуарах. Игорю нравится все, кроме Соборной площади: он считает, что там слишком крупный план. Мы собираем разложенные по столу снимки, прощаемся на тесной площадке перед дверью и спускаемся по деревянной лестнице в подъезд проходного двора.

На углу с Франца Меринга мы останавливаемся поговорить, и к нам привязывается бродяга, которому не с кем побеседовать о Бродском. Мы присаживаемся на скамейку и долго спорим о поэзии, потягивая из горлышка ледяное "Солнце в бокале". Разговор переходит на изобразительные искусства; мы открываем конверт с фотографиями, подходим ближе к фонарю и рассматриваем их вместе, цитируя Гумилева, Ахматову и Мандельштама. Бродяга в восторге; он еще раз перебирает снимки, улыбается, как ребенок, и неожиданно требует подарить ему конверт. Мы решительно отказываем, но он выбегает на середину перекрестка, падает на колени и умоляет нас дать ему хотя бы несколько. Мы подходим ближе: на глазах у него слезы.

Я пожимаю плечами. — Хорошо, — говорит Шурик после короткой паузы.

Начинается дождь; я вручаю бродяге конверт, мы ждем друг другу руки посреди мостовой и расходимся в разные стороны.

На следующий день я возвращаюсь домой поздно; дождь еще идет, и я сажусь выпить горячего чаю. Дверной звонок застает меня с чашкой у рта; я открываю — Игорь, промокший насквозь, стоит в темноте с большим пакетом в руках.

— Смотри, что я только что нашел у себя под дверью, — говорит он и протягивает мне пакет.

Я разворачиваю надорванную бумагу: внутри стопка книг. Похоже, они только что отпечатаны: запах краски, как в типографии. Я вытаскиваю из пачки верхнюю, читаю название и с удивлением поднимаю глаза: на твердой обложке четкими буквами выведено: "Основы мироздания в неизвестно скольких томах. Том неизвестно какой".

— Ты полистай, — говорит Игорь. Я открываю наугад: мы едем на пляж. Наши девочки на школьном дворе. Игорь с бутылкой вина.

Мы на вершине горы в Карпатах.

Париж, апрель — май 2013 г.

Юрий МИХАЙЛИК

Крест-накрест дверь.
Позабудь свой дом.
И горький свой край покинь.
Мы были бессилием, и стыдом,
и каменной солью пустынь.

И в наших глазах во веки веков
честнее здешних расплат —
сияние стронциевых облаков,
плутониевый расплат.
Мы наше время до пепла прожгли

и ненавистью прошлись
на семь поколений в глубь земли,
на семь поколений ввысь.

Крест-накрест дверь.
И память — остынь.
В свой черед на любой из широт
над нами взойдет звезда-полюнь
во тьме торфяных болот.

Вера ЗУБАРЕВА

Снежной ели сверкает айсберг,
Корабли домов укачало,
И сугробов белые вазы
В сердцевинах лелеют молчанье.
Лепестками волнует воздух,
Белый ветер над ними вьётся.

На странице — следы полозьев
Зазывают строку за околицу...
Бусы льдинок дрожат на ветках.
Затекает метель ямбы.
И на всём — лишь пятнышко света
Фонаря от настольной лампы.